

К проблеме лингвистического изучения юго-восточной части Русского Севера

Исключительно интенсивное и радующее своими научными результатами лингвистическое изучение Русского Севера обусловлено историко-культурной спецификой этого региона, сохранившего богатейшую русскую и дорусскую старину в народной словесности. Начатые здесь более ста лет тому назад лингвистические исследования, плодами которых стали сперва небольшой по объему словника, но весьма содержательный словарь архангельских говоров А. Подвысоцкого (1885), а затем олонекский словарь Г.Куликовского (1898), во второй половине истекающего столетия были энергично продолжены учеными Архангельска и Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга. Созданы обширнейшие лексические картотеки, выходят все новые выпуски диалектных словарей, охватывающих те или иные районы Русского Севера¹, подготовлен к печати первый выпуск «Словаря говоров Русского Севера» (А-Б), составленный кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского университета, опубликован атлас лексики архангельских говоров². Большие топонимические картотеки составлены Уральским и Санкт-Петербургским университетами. Все это историко-культурное богатство постепенно вводится в научный оборот. Вместе с тем становится очевидным, что стремительное исчезновение народной культуры и народного языка, а также неизбежная поверхностность сбора материала при работе на обширных территориях настоятельно требуют смены методического стереотипа – более глубокого внедрения в языковую действительность и максимально полного ее описания, как это характерно для современной лингвистики в целом, т.е. и на Русском Севере необходимо переходить от макрорегиональных к собственно региональным и микрорегиональным исследованиям, когда регионы устанавли-

¹ Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г.Гецовой. Вып. 1–9. М., 1980–1996; Словарь вологодских говоров / Ред. Т.Г.Паникаровская. Вологда, 1983–1993; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С.Герд. Вып.1–3. СПб., 1994–1996.

² Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.

ливаются не по произвольно начерченным границам губерний и областей, а связаны с какими-либо региональными историко-культурными общностями. Североведы хорошо знают, что особый интерес лингвисты, как и вообще филологи, этнографы, историки, всегда проявляли к Поморью в широком смысле этого слова – от Беломорского побережья и Прионежья до Пинеги, Кулоя и Мезени, а также к Белозерскому краю, тогда как юго-восток Русского Севера, охватывающий треугольник между Сухоной, Вагой (с притоками), Северной Двиной и бассейн Юга, привлекал внимание исследователей значительно меньше (кроме, пожалуй, районов Шенкурска и Великого Устюга), хотя именно эта территория в лингвоэтническом отношении во многом является ключевой как при решении вопроса о древнем дорусском населении и его языках, так и при определении путей древнерусской колонизации в Подвине. Именно здесь в «чистом» виде фиксируется тот чрезвычайно важный лингвоэтнический материал, который помогает освободиться от столь привычной для лингвистов и историков, начиная со времен Шёгрена и Кастрена, прибалтийско-финской «призмы» и обнаружить неадаптированную позднейшими наслоениями глубокую языковую древность.

В этой статье речь идет о некоторых основаниях для выделения юго-восточной части Подвинья в особый лингвистический регион, а также о задачах и перспективах его изучения.

Одна из самых ярких групп топонимических изоглосс на территории Русского Севера ограничивает с юго-востока зону прибалтийско-финской и саамской топонимии, включая микротопонимию, и четко разделяет этот регион на две части: северо-западную, которую условно можно назвать поморской, и юго-восточную (см. карту на с. 8). В атласе, приложенном к нашей докторской диссертации³, чуть ли не все карты так или иначе подтверждают существование этой группы изоглосс, но особенно показательны карты 7 (ареал топоформантов *-лахта*, *-лохта* 'залив' ~ фин. *lahti* 'залив'), 9 (ареал топоформанта *-нем* 'мыс' с вариантами ~ фин. *niemi* 'мыс'), 18 (юго-восточная граница зоны сплошного распространения прибалтийско-финских микротопонимических формантов), 24 (топонимы с начальными *z-*, *x-*, соответствующими прибалт.-фин. *h-* в анлауте), 68 (сводная карта дифференцирующих прибалтийско-финских основ). Не будем касаться сложного вопроса об ареаль-

³ Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Карты. М., 1970.

ном соотношении саамского и прибалтийско-финского компонентов. Заметим только, что саамский компонент, в большинстве случаев, видимо, более ранний, образует острова в массиве территории, освоенной прибалтийскими финнами. Но для нас сейчас важнее другое: прибалтийско-финская и саамская субстратная топонимия явно выклиниваются на юго-востоке Русского Севера, что и позволяет разделить его территорию на две части (см. карту 77, на которой воспроизведена зона широкого распространения прибалтийско-финско-саамской топонимии). Эта граница, однако, не была непроницаемой. Прибалтийские финны проникали также на юго-восток Русского Севера и на смежные с ним земли. Есть данные, что они достигали бассейнов Сухоны и Шексны и даже еще более южных районов, а восточнее их влияние распространялось на некоторую часть территории современной Республики Коми. Тем не менее массовые прибалтийско-финско-саамские элементы в топонимии прослеживаются именно в северо-западной половине Русского Севера.

Наличие этой границы хорошо подтверждается и достаточно четкой группой изоглосс, характерных для юго-востока Русского Севера, где распространены явления волжско-финского и северофинского типа: см. карты 13 (топоформант *важ-* 'исток', 'рассоха' с вариантами), 67 (топооснова *ягр-, яхр-* 'озеро'), 85 (этимологизированные названия северофинского типа на *-V+n(b)ga*). Эти изоглоссы опять-таки свидетельствуют о лингвотнической обособленности юго-востока Русского Севера. Примечательно, однако, что гидронимия волжско-финского («марийского») типа обнаруживается и в прибалтийско-финско-саамской зоне, в частности, на Онеге и Пинеге (карта 78).

Отсюда следует, во-первых, что предположительно волжско-финская топонимия в северо-западной части региона должна быть перекрыта прибалтийско-финской, а может быть, и саамской, во-вторых, что изоглоссы, характеризующие волжско-финско-северофинскую зону на юго-востоке, могут находить соответствия в топонимическом материале северо-запада и, наконец, в-третьих, что русские на юго-востоке могли иметь непосредственный контакт с северофиннами или другими неприбалтийско-финско-саамскими племенами, тем более что места эти – богатые и плодородные – были освоены русскими очень рано. Отсюда же следует, что субстратная топонимия юго-восточной зоны во многом может оказаться ключом к соответствующим названиям северо-

западной части Русского Севера, которые в таком случае должны рассматриваться как субстрат.

К этому можно добавить и другие соображения. Хотя идущие от Шёгрена и подтверждаемые Фасмером идеи о широком распространении пермской топонимии в Подвине пока не находят убедительного подтверждения, есть все же некоторые данные о проникновении древних пермян именно в юго-восточную часть региона. Не случайно исторические источники выделяют здесь особое племя «тоймичей поганых» и упоминают городок *Тоймокары*, в названии которого может усматриваться пермское *кар* 'город'. А.И. Попов считал тоймичей пермским племенем⁴. В свое время и автор этой статьи писал о возможном существовании пермского элемента в субстратной топонимии верховий Пинеги⁵, которые смежны с бассейнами рек Верхняя Тойма и Нижняя Тойма и входят в современный Верхне-Тоемский район Архангельской области, что, может быть, отражает какие-то старинные межрегиональные связи. Необходимо считаться и с возможностью проникновения пермян в бассейн Устья, о чем писали Н.И. Ульянов⁶ и Л.Н. Жеребцов⁷. В этом микрорегионе среди жителей ряда деревень действительно распространено коллективное прозвище *зырь*, которое связывают с коми-зырянами, хотя изначально оно прилагалось не к пермянам⁸. Убедительных примеров пермской топонимии в этих местах, однако, не обнаружено. В то же время лексические заимствования из пермских языков хорошо представлены именно в местах бывшего расселения тоймичей. Отмечены они и в бассейне Устья. Все это в какой-то мере также поддерживает соображения о необходимости противопоставления юго-восточной и северо-западной части Русского Севера.

Намного определеннее противопоставление, создаваемое недавно выделенным мерянским элементом, также характерным для юго-восточной части Русского Севера, прежде всего для Устья и верхней Ваги, а кроме того, для Кубены и верховий Сухоны. Эти земли непо-

⁴ Попов А.И. Географические названия: Введение в топонимику. М.; Л., 1965. С.58.

⁵ Матвеев А.К. Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // Сов. финно-угроведение. IV. 1968. №1. С. 27–37.

⁶ Ульянов Н.И. Очерки по истории народа коми-зырян. М.; Л., 1932. С.28.

⁷ Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами X–начала XX в. М., 1982. С.29.

⁸ См.: Матвеев А.К. Еще раз об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С.79–90.

средственно примыкают к зоне обитания Костромской и Ярославской мери и могут рассматриваться и как территории вторичной мерянской колонизации, и как часть исторических мерянских земель. Этому сложному вопросу посвящены специальные работы, и здесь нет необходимости ещё раз рассматривать соответствующую аргументацию⁹. Важно подчеркнуть главное: наличие мерянского элемента опять-таки противопоставляет юго-восток Русского Севера северо-западу. Это в полной мере согласуется с выделением в XVI–XVII вв. в юго-восточной зоне особых устьянских волостей, охватывающих бассейн Устья и верхней Ваги, а также Чарондской округи у оз. Воже¹⁰, что было связано, очевидно, с этническим своеобразием местного населения (на других территориях Русского Севера были выделены уезды).

Таким образом, по целому ряду этнических характеристик юго-восточная часть Русского Севера (примерно от Кубенского озера до верховий Пинеги) противостоит северо-западной, что и позволяет рассматривать её как особый регион, требующий специального изучения. Он представляет научный интерес как сам по себе (прежде всего вследствие непосредственных контактов русских с местным неприбалтийско-финноско-саамским населением), так и благодаря открывающейся возможности использовать топонимию юго-запада для истолкования родственных элементов, перекрытых прибалтийско-финским субстратом на северо-западе.

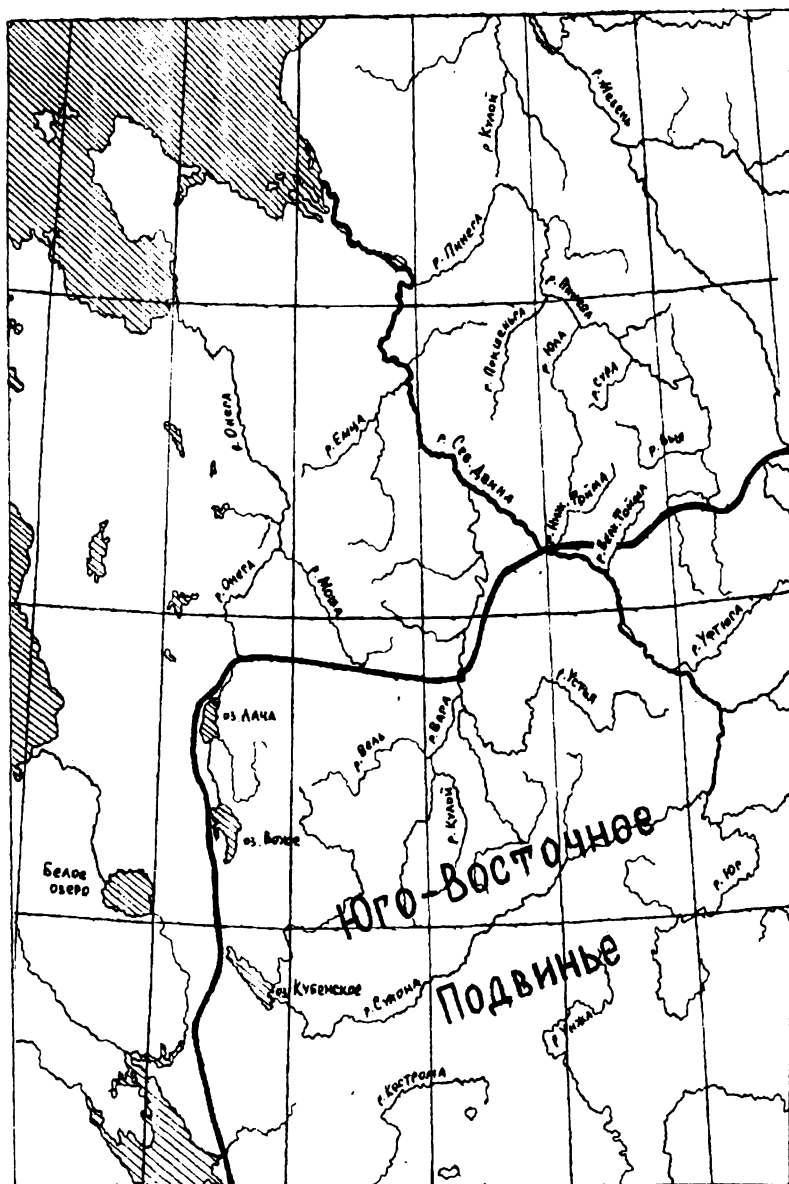
Нет оснований видеть сколько-нибудь прямую связь между охарактеризованными выше явлениями и пучками русских лексических изоглосс, типичных для этой же территории и названных соответственно двинскими (карта 197) и важскими (карта 198)¹¹. Дело в том, что юго-восток Русского Севера должен рассматриваться как область миграций ростово-суздальского населения, «низовской» колонизации¹², с чем и связаны эти специфические изоглоссы. Тем не менее совпадения такого рода имеют немалое методическое значение, поскольку указывают на важность проведения здесь одновременно работ по сбору собственно

⁹ Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // *Вопр. языкознания*. 1996. №1; Он же. К проблеме расселения летописной мери // *Изв. Урал. ун-та. Сер. гум. наук*. Екатеринбург, 1997.

¹⁰ Васильев Ю.С. Аграрные отношения в Поморье XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1979. С.24–26.

¹¹ Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. С.231–232.

¹² Подробности см.: Бернштам Т.А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX–XV вв.) // *Фольклор и этнография Русского Севера*. Л., 1973.

славянского и этимологически финно-угорского материала. Впрочем, в некоторых случаях подобные связи могут быть и прямыми. Таковы, например, малоизученные соответствия между заимствованиями из мерянских диалектов на Русском Севере и в исторических мерянских землях.

Вряд ли можно сомневаться в целесообразности выделения юго-восточной части Русского Севера как особого региона, за которым можно закрепить достаточно удобное наименование – *Юго-Восточное Подвинье*. Применительно к этому региону возможна постановка следующих задач: 1) создание словарей субстратных топонимов микротерриторий (бассейнов Ваги, Устья, Юга и т.п.); 2) составление словарей диалектной лексики отдельных микротерриторий (важского, устьянского и т.п.), а также диалектного словаря всего Юго-Восточного Подвинья; 3) составление словаря местных географических терминов (с учетом данных топонимии); 4) создание словаря заимствованных слов в русских говорах; 5) комплексные микрорегиональные исследования, охватывающие весь лингвистический, а в какой-то мере и этнографический материал, относящийся как к русскому, так и дорусскому населению (например, в бассейне Устья); 6) исследование мерянского и пермского субстрата, а также гидронимии на *-V+n(b)ga*, большая часть ареала которой находится в пределах Юго-Восточного Подвинья; 7) изучение лингвистических данных о «низовской» колонизации в Юго-Восточном Подвинье и сравнительный анализ местной диалектной лексики и лексики ростовско-суздальских и ярославско-костромских говоров; 8) составление словарей фамилий и коллективных прозвищ местных жителей; 9) исследование письменных источников и их сопоставление с данными полевых сборов.

Важно также подчеркнуть, что выделяемый регион, занимая промежуточное положение, как бы связывает новгородское Поморье и волго-окские земли. Его выделение и изучение позволит преодолеть тесные рамки большей частью условных административных границ, в которых невольно замыкаются исследователи архангельской и вологодской лексики и ономастики и с которыми обычно имеет мало общего реальная лингвоэтническая действительность с её миграциями и изоглоссами.